

**ПЕРВАЯ КОЛЯДНАЯ КУТЬЯ – РИТУАЛ
КОНВЕРГЕНЦИИ КОСМОСА, АНТРОПОКОСМА
И МИРА ИНОБЫТИЯ ПРЕДКОВ**

*О. В. Котович, кандидат культурологии, доцент кафедры
режиссуры учреждения образования «Белорусский государственный
университет культуры и искусств»*

Аннотация. В статье рассмотрено культурное пространство первого праздничного дня Коляд – Первой кутьи, важнейшим смысловым ядром которого является поминовение предков. Анализ основных ритуалов-символов, поведения участников обряда за столом, присутствия главного ритуального блюда – кутьи (каши) – показал, что в этот вечер в пространственно-временном континууме крестьянского дома встречались-сходились трансцендентная Вечность (божественная «реальность»), бытие человека (здесь и сейчас) и инобытие предков, а этот дом на время празднования Коляд становился воплощением мифологического центра Мира.

Ключевые слова: космос и антропокосм, кутья, ритуальная еда, трансформация, зерно, предки, поминание, безвременье, перспектива.

**FIRST CHRISTMAS CAROL KUTYA IS A RITUAL
OF THE CONVERGENCE OF THE COSMOS,
THE ANTHROPOCOSM AND THE WORLD
OF THE ANCESTORS' OTHERNESS**

*О. Kotovich, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor
of the Department of Directing of the Educational Institution
«The Belarusian State University of Culture and Arts»*

Abstract. The article examines the cultural space of the first festive day of Kolyada – the First Kutya, the most important semantic core of which is the commemoration of ancestors. The analysis of the main rituals-symbols, the behavior of the participants of the ceremony at the table, the presence of the main ritual dish – kutya (porridge), showed that on this evening in the space-time continuum of the peasant house, transcendental Eternity (divine «reality»), the existence of man (here and now) and the other-being of

ancestors met and converged. This house became the embodiment of the mythological center of the World during the celebration of the Kolyada.

Keywords: cosmos and anthropocosm, kutya, ritual food, transformation, grain, ancestors, remembrance, timelessness, perspective.

Восточнославянский традиционный календарь свидетельствует о том, что мотив поминовения предков как идеологическая компонента входит в состав многих праздников. Как правило, это были предшествующие субботы – Громничные или Сретенские, Масленичные, Троицкие, Дмитриевские, Михайловские Деда и др. В контексте празднования Коляд поминовение предков стало содержательным ядром предновогодних событий, которое нашло воплощение в целом ряде сложнейших структурных компонентов.

А. И. Гурский приводит ряд важных обрядовых действий поминальной направленности во время празднования Первой колядной куты: «А ўжо з паўдня пачыналі рыхтавацца да вячэры. Дарослыя пасцілі ўвесь дзень шчырым поста́м (нічога не елі), дзецям давалася ў абед з'есці крыху поснай кашы. Уся сям'я мылася, прыбіралася... Рэшту сена раскладвалі на стол, пасля чаго ён засцілаўся белым абрусам... Перш, чым сесці за стол, гаспадар гаварыў так званую малітву – зварот-просьбу да сваіх продкаў, каб яны прыйшлі на агульную бяседу – святочную вячэру» [1, с. 66–67]. А. С. Лис довольно детализировано описывает главное кушанье этой праздничной трапезы: «Рытуальная ежа куцця, старанна звараная з ячменных круп каша, на першую, посную Куццю <...> адыгрывала вельмі важную, атрыбутыўную ролю пры здзяйсненні калядных рытуалаў. Па-першае, па ёй варажылі – меркавалі пра самы спрыяльны для яравой сяўбы час... Па-другое, з куццёй, часцей са знятым з яе падсохлым вяршком, выконвалася ці не кожнае абрадавае дзейства. Па-трэцяе, куццю пакідалі на сталае адну пасля таго, як з яго прыбіралі ўсе астатнія стравы: меркавалася, што ёй будуць сілкавацца дзяды – душы памерлых продкаў... Вера ў магічную магчымасць куцці дабратворна ўплываць на чалавека, жывёльны свет, а праз адпаведныя абрады на будучы ўраджай, каранілася ў жыццёвым вопыце земляроба-язычніка...» [2, с. 18]. П. А. Сапронов продолжает эту мысль: «В акте приема пищи для него (первобытного человека. – *О. К.*) еще должна произойти встреча с сакральной реальностью. Прием пищи – это всегда трапеза, в которой участвуют и боги. И, соответственно, сытость не сводится к одной только физиологии, она прежде всего знак божественного благословения и в какой-то мере сакрализации человека» [4, с. 109].

В этнографических описаниях, составленных П. В. Шейном в конце XIX в., находим: «В Гродненской губ. сидящие за столом пили из одной круговой чары, при этом каждый выплескивал немного на стол... Также

и первую ложку жидких кушаньев выливают прямо на стол – все для умерших» [5, с. 50]. В. Я. Пропп сделал закономерный вывод о том, что приведенные детали «снимают последние сомнения о характере этого стола» [3, с. 27].

Вышеприведенные описания подготовки и проведения праздничного вечера под названием *Первая* или *Великая* Кутья (эти два названия являются синонимичными, указывают на исключительный культурный статус этой *калядной вячэры*) свидетельствуют о том, что начало Коляд, которое совпадало с периодом космического и планетарного безвременья, было обращено к мифологическим истокам бытия. Традиционная для фольклористики аксиома «человек обращался к Небесам с просьбой оказания всемерного содействия в жизни и трудовой деятельности» и в этом случае оказывается истинной. Но когда речь идет о космогонических представлениях древнего человека, то их доминантой является не сам по себе человек или даже социум, а прежде всего человек как субъект Вселенной, в которой порядок и гармония возможны только тогда, когда все элементы мироздания состоят в отношениях равновесия. Космос отзывается не на просьбы о помощи, а на взаимозаинтересованный диалог с ним. Отсюда не просто обращение к Морозу («*Хадзі куццю разам есці, каб не марозіў мае пасевы!*»), а угощение его частью этого урожая – ложкой каши. Счастье человека возможно тогда, когда он способен поделиться **часть**-ю возделанного им урожая, а значит, и самому остаться с **часть**-ю, т. е. со счастьем.

Также необходимо отметить специфику Первого колядного стола – поминально-величального: поминали не для того, чтобы вспомнить, точнее, поименовать (вспомнить по именам), как это происходило во время ритуальной трапезы на *Дзяды*, когда хозяин перечислял имена тех, кто жил некогда в этом доме и о ком память хранила «живые очертания» – надписи на *бэльцы* (потолочной балке), которая была ближе всего к красному углу. Трапеза Первой колядной кутьи имела принципиально иной характер: поминовение было обращено к предкам как сакральной части Рода, потому что они жили во времена «золотого века», а потому актуализировалась праздничная форма величания, которая и присутствовала в колядных обрядовых песнях. Помянуть, чтобы возвеличить, чтобы выразить сопричастность (иметь с-**часть**-е быть **часть**-ю) к своему Роду. Мифический первопредок (как миф-архетип) и его живые последователи за праздничным столом – это и есть символическое воплощение синтеза Вечности (как времени первотворения) и времени бытия (но не профанного, а сакрализованного как дистанцированного от первоначального сакрального). Колядная поминально-величальная кутья – символ самого Времени, аккумулярованного в Памяти поколений, консолидированным феноменом которого стала «многочисленность» зерна, сваренного-«спрессованного» в форму горшка в виде каши.

Рассматривая мифологическую семантику зерна, А. С. Лис заметил: «Вера ж у магiчную магчымасць куццi дабратворна ўплываць на чалавека, жывёльны свет, а праз адпаведныя абрады на будучы ўраджай каранiлася ў жыццёвым вопыце земляроба-язычнiка: кожны год ён назiраў цуд – здольнасць зерня адраджацца ў зямлi, рунец, красаваць, наливацца i прыносьць плён – стокроць памножаны здабытак хлеба» [2, с. 18]. Квинтэсэнция символикi зерна совершенно верно раскрывае его мифосемантические горизонты. Приведем ряд обрядовых параллелей. В семейно-родовой обрядности белорусов чаще всего используются две формы «присутствия зерна» – живое и трансформированное, т. е. потерявшее естественную форму бытия, ощутившее на себе воздействие человека (сваренное или перетертое в муку для выпечки хлеба, каравай, блинов). Так, при первом купании младенца в купель клали 6, 9 или 12 зерен *жыта*, взятого из колосков снопа-деда, который находился в течение года в красном углу дома. Смысл этого атрибутирования сводился к продуцированию жизненных потенций появившегося на свет человека. В то же время на *хрэсьбіны* повивальная бабка варила *бабiну кашу*, которую надо было «выкупить», горшок разбить, а кашей угостить всех участников застолья.

Та же двойная семантика зерна присутствует и в погребально-поминальном обряде белорусов. В изголовье умершему обязательно ставили горшок с *жытам* и горящей свечой. После того, как умершего вынесли из дома, на пол сыпали несколько горстей зерна, чтобы в доме «жизнь» продолжилась. На поминальный стол – в начале, ближе к красному углу – ставили на тарелку рюмку с водкой, накрытую кусочком черного хлеба, – символически предназначенные умершему. Поминальный стол начинался с того, что по кругу участники тризны пускали тарелку с кутьей, три ложки которой откладывал и съедал каждый из присутствующих. В деревнях и сегодня сохраняется обычай приходить в дом *адведаць намерлага* и приносить с собой миску с зерном и буханку хлеба. Семантика атрибутов-символов прозрачна и понятна.

Эти же знаковые атрибуты присутствовали в свадебной обрядности. Провожая молодых под венец, мать с отцом обходили свадебный кортеж по солнцу и обсыпали зерном *жыта*, встречали их перед порогом дома после бракосочетания хлебом-солью, тем самым констатируя, что их жизнь в статусе добрачном (юноша, девушка) завершилась.

Точно так же были расставлены смысловые акценты в универсуме Коляд. Вторая, *Багая*, *Шчюдрая куцця*, которая играла роль встречи Нового года, содержала в себе ритуал *засевак*. Утром этого дня дома односельчан обходили дети и рассыпали по полу зерна различных злаковых культур: ржи (*жыта*), ячменя, пшеницы, овса, льна, конопли и т. д. – «живое»

зерно закладывало проекцию вегетативного цикла основных сельскохозяйственных культур, а на столе для домачадцев будет стоять горшок с праздничной или ритуальной (постной или жирной) кашей.

Каша-кутья вобрала в себя несколько семантических линий: каша или зерна, сваренные в печи (прорасти весной они не смогут), – символ умирающего Солнца; несчетность количества зерен – воплощение многочисленных поколений рода; обращенность в будущее, апелляция ко времени нового бытия – состояние каши указывала на наиболее благоприятные сроки весеннего сева: «...кали першая куцця будзе поунай, вырасце ў гаршку, то варта раней пачынаць сеяць...» [2, с. 18].

В традиционной культуре был сформирован ряд правил по отношению к ритуальным столам (поминальным, свадебным и т. п.), предполагающих форму, специфику сервировку, канонические блюда, принцип посадки участников, стереотипы поведения участников. Так, на *хрэсьбінах* гости должны были садиться как можно плотнее, чтобы зубы новорожденного выросли красивыми и плотно расположенными, а за поминальным столом на *Восеньскія Дзяды* – наоборот, садились широко, предполагая, что между ними будут незримо присутствовать души умерших родственников. Гендерный подход к посадке за поминальным столом (мужчины с одной стороны стола, ближе к стене и окнам, женщины – напротив, ближе к ритуальной зоне печи – к центральной силовой линии размежевания жизненного пространства дома на мужскую и женскую зоны) дополнялся еще одной строгой детерминантной – соблюдением принципа возрастной последовательности – от старшего к младшим.

В этом случае следует обратить внимание еще на одно обстоятельство: форма стола Первой колядной кутьи вместе с ее участниками напоминала коридор (не земную дорогу, а небесный Путь, *Млечны шлях*) – коммуникационный во многих смыслах этого слова. Во-первых, во главе стола находится не просто Хозяин (он присутствовал в одном культурном пространстве с участниками торжества, но при этом не принадлежал ни к правой, ни к левой части представителей семьи и рода, он восседал над ними), а Творец, который «творит» застолье, т. е. занимается миро-творением. Самая длинная ночь года, уснувшая земля, лютый холод – все это в совокупности являлось воплощением конца света, всепоглощающего могущества Хаоса. И в этой природной бесформенности начинает звучать гимн космическому порядку, в котором Вселенная предстает как единое целое. Мир Вселенной станет опредмечиваться с момента «рождения» Солнца, которое озарит пространство и на очередном своем витке воссоздаст-продолжит время земного бытия, проявленное в многочисленных календарных обрядах. Именно в такой последовательности будет выстроена логика величальных песен, которыми наполнится пространство усадьбы и дома, когда во двор придут колядники. Сначала они «выстроят» порядок космоса, а затем перейдут к созиданию антропокосма. Во-

вторых, хозяин, безусловно, это воплощение Рода. Здесь и сейчас нужно собрать его воедино, не размежевывая на умерших и живых представителей его генеалогической линии. В-третьих, ипостась Хозяина – это Первопредок, Тотем, который отвечает за определенную часть Рода человеческого, объединенную одним именем-фамилией.

Таким образом, в пространстве Первой колядной кутьи сошлись знаки-символы – **Солнце** (которое умирало и возрождалось), **зерно** (многоликий атрибут которого практично встроен в атрибутивный код культуры), **сено** на столе (травы которого были заготовлены во время празднования Купалья – фазы самого активного Солнца) и момент **безвременья** (время земного бытия исчерпано и тогда благодаря союзу вечного и профанного, слиянию Неба и Земли происходило его созидание). В своем прочном «союзе» они **объединяли** в единое целое **мир Поднебесья** (сакральный, воплощенный в божестве Коляды и Солнца), **мир человека**, творящего мир сакрального ритуала (функция демиурга), и **мир предков** (первопредков) – мифологических хозяев. Три мира встретились в пространстве крестьянского дома: **трансцендентная Вечность** (божественная «реальность») – **бытие** (здесь и сейчас) **человека** – **инобытие предков**. В этом случае континуум дома на время празднования Коляд становился воплощением мифологического центра Мира.

1. Каляндарна-абрадавая паэзія / А. С. Ліс [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ім. К. Крапівы ; навук. рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – 515 с. – (Беларус. фальклор: жанры, віды, паэтыка ; Кн. 1).

2. Ліс, А. С. Каляндарна-абрадавая творчасць беларусаў. Сістэма жанраў. Эстэтычны аспект / А. С. Ліс. – Мінск : Беларус. навука, 1998. – 188 с.

3. Пропп, В. Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2004. – 176 с.

4. Сапронов, П. А. Первобытный ритуал / П. А. Сапронов // Культурология : курс лекций по теории и истории культуры / П. А. Сапронов. – 2-е изд., доп. – СПб., 2001. – С.103–114.

5. Шейн, П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края : [в 3 т.] / собр. и привед. в порядок П. В. Шейном. – СПб. : Тип. Император. Акад. наук, [1887–1902]. – Т. 1, ч. 1 : Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. – 1887. – 585 с.